

Траар П. Критический очерк о Бодлере.

TRAHARD P. Essai critique sur Baudelare poète. — P.: Libr. Nizet, 1973. — 285 p.

По мнению известного французского литературоведа Пьера Траара, Бодлер, не признанный при жизни, посмертно приобрел известность и престиж, несоизмеримые с подлинным весом его творчества. Не принадлежа ни к апологетам, ни к проистрастным хулителям поэта, Траар определяет реальное, на его взгляд, место Бодлера во французской литературе.

Узость тематики «Цветов зла» Траар, солидаризируясь с известным мнением Сент-Бёва, объясняет нежеланием Бодлера повторять темы, использованные предшествующим литературным поколением. Но вместе с тем, замечает критик, Бодлер сам ставил себе запреты. Он почти удалил из своих стихов тему природы, историческую и легендарную тематику, изложение философских и политических взглядов, а также социальную критику. Как и Леконта де Лиля, его страшило излишнее личное, идиллическое и элегическое. Все это сильно ограничило область поэзии, уменьшившуюся, по выражению Траара, до размеров кусочка шагреновой кожи.

Подобное самоограничение, по мнению Траара, оправдано лишь в глазах тех, кто, развивая негативные тенденции поэзии Бодлера, придет к «чистой поэзии», к гермитизму. В сущности же темы, «осужденные» Бодлером, могли быть им обновлены, даны в другом плане, как это было, например, с «вечной» темой любви, когда он обратился к ней. Но, признавая оригинальность любовных стихотворений Бодлера, Траар не относит их к достижениям данного жанра. Ему претит присущий им привкус горечи, стыда, разврата, раскаяния, признание греховности любви. Бодлер является «поэтом не любви, а эротизма» (с. 62).

Траар считает, что Бодлер был «по преимуществу живописцем смерти». Он относится к ней не как моралист или проповедник, он не

разделяет и эпикурейских призывов забыть о ней. Хотя мысль о смерти постоянно преследует его, подобно наваждению, она не мешает ему, а, напротив, является своеобразным стимулом к жизни.

Однако основная тема «Цветов зла», утверждает Траар, — личность самого Бодлера. Несмотря на нежелание рассказывать о себе, как в дневниках, так и в поэзии, он не выходит за рамки «самоописания». В этом его сила и слабость. Личное чувство одушевляет его творчество. Вместе с тем он органически не способен забыть о себе; поэтому основную проблему своего сборника, проблему зла, он ставит на ограниченном материале личного опыта.

В каждом человеке, писал Бодлер в дневниках, ежечасно, одновременно присутствуют два устремления: одно — «к богу» (духовное начало, добро), другое — «к саванне» (животное начало, зло). Духовность есть желание подниматься выше; животность есть «радость нисхождения». Бодлер считает зло могущественным, к тому же редко эстетически привлекательным. Но не делая окончательного выбора, он рассматривает человеческое существование как трагически неразрешимое столкновение добра и зла, противоречие между которыми может быть снято лишь в эстетическом плане.

Лишь искусство позволяет уйти от неприемлемой действительности, от тоски, скуки и угрызений совести. Отрицая мир, «где действие с мечтой всегда в разладе», мир, представляющий собой «оазис ужаса в безбрежности тоски», Бодлер тоскует по раю, оп идеалу. Однако общее впечатление от книги, по мнению Траара, — впечатление крайнего пессимизма. Которым Бодлер отчасти обязан влиянию Ж. де Местра и Э.А. По. Никогда еще ни один поэт не собирал на таком малом количестве страниц столько жалоб, сарказма, столько оправданий застоя личности, хотя и сочетающихся с попытками вырваться из него. Книга погребает читателя под лавиной апокалиптических выражений. Да и идеал Бодлера весьма неопределен, его элементы намечаются лишь в

эстетическом плане — это гигантша, женщина в духе Рубенса, это души, «могущественные в преступлениях», подобные героям Эсхила или леди Макбет, это «Ночь» Микеланджело. Это временами овладевающий его душой платонизм чувства или мечты, пробужденных женской красотой. Без них поэт знал бы только сплин, тоску, растворение в неумолимо текущем времени, безысходное отчаяние. Но это лишь мгновения кратковременной отрады, и поэт прекрасно знает, что чаемый им запредельный мир — не более чем утопия.

Траар исследует черты поэтики «Цветов зла» и указывает на недоверие Бодлера к творческому наитию, восторженности, прямому обращению к читателю, напоминающему об ораторском красноречии. Отказ Бодлера от приемов красноречия Траар связывает с неспособностью поэта долго развивать тему, с отсутствием у него «Дыхания». Что бы ни говорил Бодлер о преимуществах короткого стихотворения, он не смог бы, подобно Гюго в «Легенде веков», «Возмездии» или «Конце Сатаны», создать вещь в восемьсот — тысячу строк, отмеченных одинаковым совершенством. Излюбленная его форма — сонет, характеризующийся концентрированностью мысли и скупостью эффектов. Сонетами являются 43 из 85 стихотворений «Сплина и Идеала» — основной части «Цветов зла». Сонет позволяет Бодлеру развить техническое умение, которое поэт считал более важным, чем вдохновение. В заботах о «вечной жизни» своего творчества Бодлер отводил форме исключительную роль, но удалось ли ему быть всегда на уровне собственных требований к поэзии?

Поклонники Бодлера отвечают на этот вопрос утвердительно, хотя и при жизни поэта, и впоследствии многие критики, в частности Сент-Бёв, Флобер, А. Жид, ставили ему в упрек затрудненность выражения, смысловую перенасыщенность фраз, жесткость и унылость языка. Траар считает большинство его поэтических фигур деланными и

искусственными. Главная заслуга Бодлера-стихотворца по мнению Траара — чувство ритма, организующего мысль.

Известные слова Бодлера о поэзии как о «магии внушения», бесконечно повторяемые критиками, не дают ключа к пониманию поэтического творчества Бодлера. Основу «Цветов зла» составляет поэтика «соответствий», резюмированная в известном сонете «Соответствия»: явления могут быть выражены лишь через взаимные аналогии, мир — это сложное и неделимое единство, метафора и символ — главные способы поэтического познания. Кроме того, метафорическое видение мира, «сюрнатурализм» поднимает поэта над условиями земной жизни, является своего рода метафизикой, обращающей в благо все то, что его задевает и ранит.

Траар считает, что основное звучание «Цветов зла» определяется их исповедальным характером, точным отражением противоречий личности самого Бодлера. Его поэзия является неудачной, когда выражение не соответствует мысли, и успехом, когда мысли находят точное выражение. Читателю не следует обращать внимания на бодлеровские срывы — искусственно-нарочитую композицию сборника, монотонную, утомительную повторяемость тем — и слушать только исповедь поэта. Критик не признает Бодлера великим, всеобщим поэтом; «законное» место Бодлера, по его мнению, в тени более великих, таких, как Гюго, Ламартин, Виньи, Мюссе.